

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/11

Глаголы с семантикой неполноты действия в украинском и русском языках: корпусное исследование

Ю.В. Филь¹, О.С. Алешина²

^{1,2} Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: 2fil@inbox.ru

² E-mail: lesenokbrantova@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена исследованию одного из типов аспектуального значения, выполненна на материале украинских и русских глаголов с приставкой **по-**, выражающих неполноту действия и входящих в круг слов, отражающих мировосприятие носителей славянских языков. В качестве основополагающих использованы теоретические положения славянской аспектологии, функционального словообразования, префиксологии, исследований по описанию языковой картины мира. На предыдущих этапах исследования были выявлены как общие структурно-семантические черты рассматриваемых глаголов в русском и украинском языках, так и их различия, касающиеся частных значений «смягчительных» единиц, продуктивности префиксальных моделей формирования соответствующих значений. В качестве объекта анализа выступают глаголы с приставкой **по-**, которая, наряду с приставками **під-/под-, при-, над-, недо-**, считается продуктивным маркером семантики неполноты, интерпретирующим действие как выполненное не полностью, в течение незначительного времени, с перерывами. Особенности данного префикса в славянских языках является его многозначность, отсутствие пространственного значения и отвлечённость семантики. На данном этапе предпринято исследование функционирования глаголов со смягчительной семантикой на материале параллельного русско-украинского корпуса Национального корпуса русского языка. Обращение к корпусу позволило сопоставить данные по функционированию «смягчительных» глаголов в русском и украинском языках, выявить последовательную передачу русских глаголов с приставкой **по-** на украинский язык семантически эквивалентными единицами,

случаи отступления от передачи семантики неполноты (даже при наличии аналогичных глаголов в украинском языке), особенно при прерывисто-смягчительном значении. Анализ продемонстрировал зависимость глаголов со значением неполноты от контекста, который одновременно порождает подобные единицы и поддерживает их, конкретизируя их значение, снимая полисемию префикса. Анализ данных подкорпуса художественной и официально-деловой сфер функционирования показал востребованность исследуемых глаголов в художественной сфере и отсутствие – в официально-деловой. Дальнейшее исследование должно определить наличие/отсутствие корреляции между «смягчительным» глаголом и тематической/жанровой/дискурсивной направленностью текста, в котором он употребляется.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, префиксальный глагол, префикс по-, диминутивная семантика, Национальный корпус русского языка

Verbs with semantics of incomplete action in the Ukrainian and Russian languages: A corpus study

Yuliya.V. Fil'¹, Olesya. S. Aleshina²

^{1,2} Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: 2fil@inbox.ru

² E-mail: lesenokbrantova@mail.ru

Abstract

This article investigates a specific type of aspectual meaning by analyzing Ukrainian and Russian verbs with the prefix **po-**, which express actional incompleteness. These verbs form part of the lexicon that reflects the worldview of Slavic language speakers. The study is grounded in the theoretical frameworks of Slavic aspectology, functional word formation, prefixology, and research on linguistic worldviews. Previous stages of this research have identified both the shared structural and semantic features of these verbs in Russian and Ukrainian, as well as their differences concerning the specific meanings of “attenuative” units and the productivity of prefixal models for forming the corresponding meanings. The current analysis focuses specifically on verbs with the prefix **po-**. Alongside prefixes like **pid-/pod-**, **pri-**, **nad-**, and **nedo-**, **po-** is a productive marker of incompleteness semantics, interpreting an action as partial,

of short duration, or intermittent. Characteristic of this prefix in Slavic languages are its polysemy, lack of spatial meaning, and semantic abstractness. At the present stage, the study examines the functional patterns of these attenuative verbs using data from the parallel Russian-Ukrainian corpus within the Russian National Corpus. The corpus data enabled a comparison of how these verbs function in both languages, identifying instances where Russian **po-** verbs are consistently translated by semantically equivalent Ukrainian units, as well as cases where the semantics of incompleteness are not rendered in translation – even when cognate verbs exist in Ukrainian – particularly for discontinuous and attenuative meanings. The analysis demonstrates that verbs expressing incompleteness are highly context-dependent. The context not only generates such units but also sustains them, specifying their meaning and resolving the prefix's inherent polysemy. Furthermore, an examination of subcorpora from fiction and official-business domains revealed that these verbs are prevalent in literary texts but absent in formal administrative contexts. A direction for further research is to determine the correlation, if any, between the use of an attenuative verb and the thematic, generic, or discursive orientation of the text in which it appears.

Keywords: Russian language, Ukrainian language, prefix verb, prefix **po-**, diminutive semantics, Russian National Corpus

Данное исследование продолжает описание единиц с семантикой неполноты действия в славянских языках (при этом действие оценивается как выполненное не в полной мере, характеризующееся меньшим, чем обычно, результатом). Актуальность предпринятого исследования заключается в необходимости дополнения типологических изысканий в области грамматики (в широком понимании термина) языка сопоставительными работами, направленными на поиск общих и отличительных черт устройства родственных языков, в данном случае в проявлении функционально-семантической категории аспекта. Несмотря на достижения аспектологии в описании славянского вида и смежных с ним явлений, а также на богатую традицию описания именного диминутивного словообразования, представляется важным дополнительно обратиться к маркерам семантики неполноты действия как, с одной стороны, типичного для славянских языков типа аспектуальных значений, а с другой – особого типа представления носителей данных языков о действии, называемом и одновременно оцениваемом одной словной единицей, созданной по моделям, давно укоренившимся в языке и, по всей видимости, отражающим некий важный «диминутивный фрагмент» картины мира. Подобные единицы, как представляется, входят в «фонд слов, отражающих мировоззрение народа» [2: 3]. Следует отметить, что на

предыдущих этапах исследования были выявлены как общие черты в структуре и семантике глаголов с семантикой неполноты действия в русском и украинском языках, так и различия в их частных значениях, деривационной активности префиксов, выражающих эти значения, продуктивности префиксальных моделей образования соответствующих значений [1]. Сходство рассматриваемых глаголов объясняется сходством префиксов, «связью с их исходной, прежде всего, генетически обусловленной семантикой» [28: 227], в то время как различие глаголов определяется различием в функционировании префиксов в сопоставляемых языках.

Кроме того, предпринятое обращение к русским и украинским «смягчительным» глаголам на материале корпусных данных позволит дополнить данные об особенностях реализации рассматриваемых единиц.

В фокусе внимания данной статьи находятся глаголы с префиксом **по-** в русском и украинском языках как типичные для обоих языков средства выражения количественной аспектuality и маркирования «диминутивного» фрагмента картины мира.

Цель исследования – на основе корпусных данных выявить особенности функционирования глаголов со значением неполноты действия в украинском и русском языках.

Помимо функционально-семантического анализа глаголов с приставкой **по-**, передающих значение неполноты действия, нами был использован инструментарий корпусного исследования: корпусный поиск, формирование выборки, снятие омонимии, ручная квалификация глаголов с **по-** как маркеров смягчительности, количественный и качественный анализ и интерпретация полученных данных.

В работе мы основываемся на результатах исследований, посвящённых вопросам категории аспекта, славянской префиксации, диминутивной деривации и др.

1. Достижения аспектологии в изучении разных типов аспектualityных значений славянского глагола (А.В. Бондарко, М.Я. Гловинская, Анна А. Зализняк, А.В. Исаченко, Ю.С. Маслов, М.А. Шелякин и др.) показали их многообразие (линейные, качественные, количественные и т. п.), преобладание количественного типа славянского аспекта [11], тех значений, которые связаны с называнием именно количественно оцениваемых параметров действия, к которым относится и рассматриваемый в данной работе смягчительный тип семантики (рус. *чуть-чуть приболеть, немного прихрамывать, пару часов поспать*; укр. *трохи прихворіти, пару годин поспати, потроху пританцювувати* и т. п.).

2. Исследования особенностей языковой картины мира (А. Вежбицкая, Т.И. Вендина, Анна А. Зализняк, Е.В. Петрухина, З.И. Реза-

нова, А.Д. Шмелев и др.) позволяют сделать вывод о повышенной эмоциональности и оценочности славянских языков, отражающих особенности мировидения их носителей по сравнению с носителями других языков; об использовании богатых словообразовательных возможностей языка для выражения количественной (количественной) оценки [3; 4; 10] при интерпретации событий окружающего мира. Это подтверждают многочисленные именные диминутивы и глаголы с семантикой неполноты в славянских языках.

3. Значимыми для нас являются результаты исследований корреляции между семантическими особенностями диминутивных единиц (прежде всего, сочетание дескриптивного и оценочного компонентов) и особенностями их реализации в контексте (А. Вежбицкая, М.Д. Воейкова, Е.А. Земская, З.И. Резанова и др.). Выявленная на материале именных единиц обусловленность варьирования компонентов семантики диминутивных единиц под влиянием внутрисловного и внешнего контекстов [5; 17–19], на наш взгляд, может быть характерна и для «смягчительных» глаголов. При этом выражение передаваемых ими смыслов «часто не входит в коммуникативные намерения говорящих, однако влияет на употребление и сочетаемость языковых единиц в речи» [16: 426].

4. Богатые традиции славянской префиксологии (а также аспектологии, теории производной номинации) в описании и систематизации значений славянских префиксов, выявлении их функций (Г.А. Волохина, З.Д. Попова, А.В. Исаченко, М.А. Кронгауз, Н.Б. Лебедева, Е.В. Петрухина, О.М. Соколов, А.Н. Тихонов и др.) приводят к выводу, что приставку следует рассматривать как особое средство, обладающее относительной смысловой самостоятельностью (по сравнению с суффиксом) и особыми функциями в семантическом насыщении глагола и интерпретации обозначаемого им действия.

5. Наблюдения функционально-семантических особенностей приставки **по-** (Г.А. Волохина, З.Д. Попова, А.В. Королькова, М.А. Кронгауз, А. Мустайоки, О. Пуссинен, Л.И. Ройзензон, М.В. Русановский, О.М. Соколов, А.Н. Тихонов, М.В. Черепанов, А.И. Чижик-Полейко, В.В. Титовская и др.) позволяют считать её деривационно активной, а многочисленные глаголы с префиксом **по-** в славянских языках – узуальными образованиями (некоторые из *по-*единиц, в том числе многоприставочные, не зафиксированы в словарях, но функционируют в речи) и общеславянским явлением. Исследователи отмечают значительную абстрагированность значений префикса, меньшее, чем у других приставок, ограничение на сочетаемость с глагольными основами и другими приставками [13] и, как следствие, склонность к экспансии [14].

Переходя непосредственно к анализу глаголов с семантикой неполноты действия, отметим, что данное значение в сопоставляемых языках передаётся глаголами с префиксами **по-**, **під-/под-**, **при-**, **над-**, **недо-** соответствующей семантики (ослабленная степень действия, ограниченное по времени действие, дополнительное действие, прерывистое действие и т. п.); в другой терминологии – деинтенсивами [12] (подробнее об этом см.: [1; 26]).

Обращение на данном этапе исследования к глаголам с приставкой **по-** объясняется не только тем, что этот префикс – наиболее продуктивное средство выражения деинтенсивной семантики в указанных языках, но и тем, что он, в отличие от других приставок с аналогичной семантикой, маркирует три её типа из четырёх представленных в славянских языках [26]).

1. Собственно смягчительное значение (ослабленная степень действия): рус. *поглодать* («сглотать некоторое количество чего-л.»), *попудрить* («несколько, слегка напудрить») [22]; укр. *поплескати* («злегка ударити рукою кільки разів по чому-небудь»), *потиснути* («трохи або злегка стиснути щось») [23].

2. Ограничительное значение (осуществление действия некоторое время): рус. *поваляться* («валяться некоторое время»), *поудить* («удить некоторое время») [22]; укр. *повалятися* («валятися, лежати якийсь час»), *похворіти* («хворіти якийсь час») [23].

3. Прерывисто-смягчительное значение (осуществление действия не в полном объёме, время от времени): рус. *позвякивать* («время от времени, слегка звякать»), *посмеиваться* («время от времени, слегка смеяться») [22]; укр. *похрускувати* («хрускати стиха або час від часу»), *похвалювати* («хвалити час від часу») [23].

Количественный анализ словарных данных показывает наличие в русском языке 674 «смягчительных» глаголов с префиксом **по-** (из них 407 единиц с ограничительным значением, 151 – с собственно смягчительным значением и 116 – с прерывисто-смягчительным) [22]; в украинском языке – 403 «смягчительных» глагола с **по-** (из них 276 единиц с ограничительным значением, 67 – с прерывисто-смягчительным значением, 60 – с чисто смягчительным значением) [23].

Особенность данного префикса заключается в его многозначности и при этом «размытости» его семантики в целом, отвлечённости значения. В «Русской грамматике» выделяется 5 значений приставки: 1) совершить действие с незначительной интенсивностью (*поотстать*, *поосмотреться*); 2) совершить многократное, поочерёдное действие многими субъектами, со многими объектами (*померзнуть*, *попадать*); 3) совершить действие в течение некоторого времени (чаще недолгого) (*побеседовать*, *понаблюдать*); 4) начать действие (*побежать*,

погнаться); 5) довести действие до результата (*поблагодарить, построить*); а также 6) (с суффиксом -ива-/ыва-) совершать действие время от времени и с небольшой интенсивностью (*побаливать, повизгивать*) [7].

Среди глаголов, образованных префиксальным способом, в украинской грамматике: 1) совершить действие с незначительной интенсивностью (*покришити, помазати*); 2) довести действие до результата (*подарувати, поснідати, посяти*) [21]. В других источниках отмечаются также значения приставки, аналогичные русскому префиксу **по-**: 3) начало движения (*побігти, поїхати*); 4) недлительность действия (*поагітувати, поблудити*); 5) время от времени повторяемое действие (*поблискувати, покрикувати*); 6) дистрибутивное значение (*побруднити, побожеволити*) [8].

Как видим, приставка **по-**, в отличие от других приставок в славянских языках, не имеет пространственного значения [6: 126]. Отсутствие направленности на какой-либо пространственный предел позволяет ей формировать значения, маркирующие завершённость действия, его фазы, в том числе начало движения, и количественные параметры [26], а также значение общего результата действия, что приводит к потере реального значения приставки и превращению в грамматический аффикс – показатель совершенного вида [8: 263].

Характеризуя глаголы с приставкой **по-** в русских говорах, О.М. Соколов отмечал случаи, когда «значение приставки не осознаётся носителями языка потому, что это значение совпадает с обобщённым лексическим значением глагольной основы, которая поглощает лексическое значение префикса» [24: 11], при этом отмечается своеобразная «мерцательность» смыслов, передаваемых приставкой.

Анализ показывает, что среди глаголов с приставкой **по-** в обоих сопоставляемых языках многочисленны единицы физического действия, движения, состояния, ментально-психической деятельности, местопребывания и т. д. Абстрактность семантики приставки **по-**, отсутствие в ней смысловых компонентов, ограничивающих её сочетаемость, позволяет ей также соединяться практически со всеми пространственными и количественно-временными приставками, достаточно легко образуя многоприставочные глаголы (*понатаскати, повыждати, позакопати, поразведати; позахлюпуватти, пообламувати, попереломлювати, понабивати* и др.). В украинском языке отмечается редупликация приставки, которую В.М. Русановский характеризует как оригинальное явление в системе способов действия украинского языка [21: 117]: *поповозити, поповозитися, попогребти, попослониатися* и т. п. (при этом такие глаголы указывают на «результат інтенсивної і неодноразово виконуваної (ітеративної) дії» [8: 270]

действия, т. е. не проявляют значения неполноты). В отличие от украинского, для русского языка такие глаголы почти не характерны и встречаются в воронежских говорах (*попоужинали, попобило морозом*), что объясняется влиянием украинского языка [27].

Материалом для дальнейшего анализа послужили данные параллельного русско-украинского корпуса Национального корпуса русского языка [15]. Выбор этого источника обусловлен следующими факторами: наличием строгой и единой лингвистической разметки (включая морфологическую и синтаксическую, в том числе возможность поиска слова по префиксальной морфеме) для всего корпуса НКРЯ, что обеспечивает сопоставимость методов поиска и анализа между русским и украинским материалом; репрезентативностью коллекции украинских текстов в рамках параллельного корпуса, включающей тексты нескольких сфер функционирования (художественной, публицистики, учебно-научной, официально-деловой и др.). Последнее даёт возможность исследовать влияние внешних факторов на реализацию семантики неполноты действия (в данном случае дискурсивного фактора, точнее – типа сферы функционирования текста).

Корпусное исследование «смягчительных глаголов» предполагало два этапа с разными задачами.

На первом этапе мы обратились к параллельному русско-украинскому корпусу с языком оригинала русским. В задачи данного этапа входило через сопоставление русских и украинских пар контекстов определить степень структурно-семантической эквивалентности русских «смягчительных» глаголов с приставкой **по-** и их украинских аналогов; установить круг деинтенсивных значений украинских глаголов с приставкой **по-**; выявить особенности контекстов, в которых реализуются единицы с деинтенсивной семантикой.

На запрос глаголов с приставкой **по-** было получено 250 документов, 2 342 вхождения с приставкой **по-**. В анализируемом фрагменте корпуса омонимия (а также полисемия) не снята, поэтому далее проводилась ручная выборка соответствующих контекстов, исключающая повторные контексты, омонимичные формы (совпадение по форме с существительными типа *повести* и т. д.) и контексты с глаголами с префиксом в ином (не смягчительном) значении. В результате было отобрано 200 контекстов с глаголами с семантикой неполноты действия.

Представим результаты анализа.

Прежде чем остановиться на глаголах со смягчительной семантикой, отметим, что префикс **по-** в рассматриваемом материале был отмечен в разных значениях, что подтверждает многозначность префикса и его активность в сопоставляемых языках в целом.

Пока он, раскрыв рот от возмущения, раздумывал: обидеться или

поблагодарить за помощь, Троль ткнул пальцем в красную кнопку на пульте // Поки він, розкривши рота від обурення, роздумував: образитися чи **подякувати** за допомогу, Троль ткнув пальцем в червону кнопку на пульті; Милиционер **поглядел** на письмо и говорит... // Міліціонер **подивився** на листа й підтвердив... [15] (префикс **по-** в общерезультативном значении).

Макивчук, Ян и Женька **понабивали** себе шишки, стукаясь головами... // Макивчук, Ян і Женька **понабивали** собі шишки, стукаючись головами, коли розглядали крихітну фотографію примітивних споруд; Разбойники сами друг друга **порубили** и **постреляли** // Самі себе **постріляли** й **порубали**... [15] (префикс **по-** в дистрибутивном значении).

Нарядился, облил себя краской и **пошел**, приبلуда, в школу... // Убравси, розілляв по собі атрамент і **пішов**, байстрило, до школи... [15] (префикс **по-** в начинательном значении).

Многоприставочных глаголов с редуцированным **по-**, функционирующих обычно в разговорной речи, встречающихся в говорах, в рассмотренном материале не отмечено, что легко объясняется особенностью текстового наполнения параллельного корпуса (в него включаются преимущественно публицистические, художественные и научные тексты [15]).

Далее нами проводился сопоставительный анализ полученных пар предложений с целью выявления структурного и семантического сходства (эквивалентности) русских глаголов с **по-** и их украинских аналогов и определения способов передачи семантики неполноты действия в случае отсутствия эквивалентности. Как и русские глаголы с **по-**, аналогичные украинские единицы представлены в корпусе в собственно смягчительном, ограничительном и прерывисто-смягчительном значениях (см. выше типы смягчительной семантики), объединяемых нами в семантику неполноты действия.

Отметим использование глаголов с префиксом **по-** в украинских переводах с сохранением семантики неполноты действия в преобладающем количестве контекстов.

– Возьми с собой Женьку, – вдруг сказал Макивчук. – Пусть **потешится**. Все-таки у парня первый выход // – Візьми з собою Женьку, – раптом сказав Макивчук. – Хай **потішиться**. Все-таки ухлопця перший вихід; Дарья (садится в кресло, нога на ногу). Ничего, **потерпи** немного... Я верю в Юрия // Дарина (сідає в фотель, нога на ногу). Нічого, **потерпи трохи**... Я вірю в Юрія; Иногда Винни-Пух любит вечером во что-нибудь **поиграть**, а иногда, особенно когда папа дома, он больше любит тихонько **посидеть** у огня и **послушать** какую-нибудь интересную сказку // Іноді Вінні-Пух любить увечері у щось **погратись**, а іноді, особливо коли тато вдома, він більше полюбає тихенько **посидіти** біля

вогню та **послухати** якусь цікаву казку; – Позвольте мне **подумать только пять минут**, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я наверно придумаю что-нибудь хорошее // – Дозвольте мені **подумати тільки п'ять хвилин**, – сказала жаба, – я зараз повернуся, я напевне придумаю щось хороше [15].

В украинских предложениях семантика смягчительности и ограничительности не только передаётся аналогичными единицами, но и дополнительно маркируется обстоятельственными словами (как и в русских вариантах) *трохи, тільки п'ять хвилин*. Кроме того, при переводе сохраняется общий контекст предложения, располагающий к употреблению соответствующих глаголов: именные диминутивы, наречия с семантикой неполноты, неуверенности, неопределённости (**вечерком во что-нибудь** поиграть – увечері у **щось** погратись, а **иногда тихонько** посидеть – іноді тихенько **посидіти**, **мясца** поєсть бы неплохо – **м'ясяцем** поласувать непогано було б; **...неуверенно** покачалась в воздухе – **...непевнено** похиталася в повітрі и т. п.). Это подтверждает идею исследователей диминутивов об их приуроченности к определённым типам контекстов [17–19; 25] и открывает перспективу исследования глагольных деинтенсивов в указанном аспекте на материале основных корпусов русского и украинского языков.

Далее отметим, что в украинских предложениях встречаются случаи замены русских единиц с префиксом **по-** на лексически или грамматически эквивалентные формы, сохраняющие семантику неполноты действия, по всей видимости, осознаваемую переводчиками как значимую для обоих языков.

Макивчук **подвигался** в кресле, устраиваясь поудобнее // Маківчук **посовався** в кріслі, влаштовуючись зручніше; Троль **похлопал** его по плечу и подтолкнул к внутренним дверям // Троль **поплескав** його по плечу і підштовхнув до внутрішніх дверей; ...я вскочил **покачаться**, а она поплыла // ...я скочив **погойдатись**, а він і поплив; Мать **почесала** в голове толстым указательным пальцем с коротким и грязным ногтем... // Мати **почухала** в голові товстим указівним пальцем із коротким і брудним нігтем... Женька с трудом разлепил опухшие веки, осторожно **поискал** глазами **покачивающийся** силуэт // Женька насилу розліпив опухлі повіки, обережно **пошукав** очима **хиткий** силуэт [15].

Заметим, что в последнем примере вместо прилагательного **хиткий** («який постійно хитається з боку на бік або згори вниз // досить нестійкий, непевнений (про ходу, рухи і т. ін.)») потенциально мог бы быть использован глагол **похитуватися** («хитатися злегка або час від часу») [23] или образованное от него причастие. В этом случае замена русского глагола на прилагательное в украинском варианте предложения обусловлена тем, что действительные причастия насто-

ящего времени в украинском языке (в отличие от других восточно-славянских языков) используются крайне редко, преимущественно в качестве терминов [29: 526]. Это подтверждается статистикой, представленной в монографии «Словотвір сучасної української мови»: на 1000 употреблений в исследованных художественных текстах причастия составляют лишь около 2,7 % [8: 227].

Анализ материала показал и значительное количество лексических замен русских «смягчительных» глаголов без сохранения семантики неполноты действия, отказ от глагола с приставкой **по-** в пользу глагола с другой префиксальной морфемой (при этом в большинстве случаев соответствующий глагол с приставкой **по-** отмечен в языке).

*Начали выходить нехотя, откашливаясь и **постанывая**, старые деды: что же за напасть? // Почали виходити повагом, кашляючи та **стогнуци**, старі діди: що воно за халепа?* (ср. укр. *постогнувати* (а также *постогнюючи*) со значением «стогнати стиха час від часу» – *Хвора жінка важко дихала і стиха постогнувала* [23]); *Под обутыми в целлофановые пакеты валенками **похлюпывал** губчатый мартовский снег // Під узутими в целофанові пакети валянками **хлюпотів** губчастий від несподіваної грудневої відлиги сніг* (ср. глагол *хлюпотіти*, напротив, имеет усилительное значение 2. «литься, хлестать» [23]); – *Дозвольте, Иван Павлович, карлика у вас **половить**, – сказал я безнадежно // Дозвольте, Іване Павловичу, коропця у вас **уніймати**, – сказав я безнадійно* (ср. укр. *половити* – «ловити якийсь час» [23]); *Скажи мне, друг, – спросил я армейского хирурга Миколу Дудко, – вот ты **поработал** на фронте полтора **почти** года // Скажи мені, друже, – спитав я армійського хірурга Миколу Дудка, – ось ти **працював** на фронті півтора майже року* (ср. укр. *попрацювати* – «працювати якийсь час» [23]); *Рвётся и так жалобно-жалобно скулит: «Пусти, мол, дай **побегать**, дай **потешиться**!» // Рветься і так жалібно-жалібно скавучить: – Пусти, – мовляв, – дай **побігати**, дай **натішитися**!* (укр. *натішитися* – «потішитися багато, досхочу»); *Горьковатый ветер, прогретый солнцем в кустах полыни, то **повеет** слабо над мажарами, то вновь припадет к земле // Гіркуватий вітерець, прогрітий сонцем у полинових кущах, то кволо **війне** над мажарами, то знов припаде до землі.*

Закljučая данную часть анализа, отметим, что переводчики, передавая общее значение глагола, пренебрегают в некоторых случаях приставкой, а следовательно, значением неполноты. При этом отступления от оригинала отмечаются не при воспроизведении общезначимого, начинательного или дистрибутивного значений глаголов с рассматриваемым префиксом, а именно при передаче незначительной длительности действия, его ослабленной степени

и неполного объёма. Анализ значений исследуемых глаголов даёт возможность утверждать, что чаще других «игнорируется» и не переводится значение прерывистой смягчительности (*поглядывает / видивляється, потрескивают / тріскотять, поблескивает / виблискує* и др.), что говорит о возможно меньшей продуктивности этой модели в украинском языке по сравнению с русским.

В качестве отдельного наблюдения хотелось бы отметить следующее. Как уже говорилось, славянские префиксы многофункциональны и полисемичны, в результате чего нередко возникает эффект «мерцательности» смысла глагольной единицы в целом и приставки в частности, который «снимается», как правило, в конкретном контексте [9: 205; 24: 11–12]. Однако анализ корпусных данных позволил увидеть еще одну особенность префикса **по-**, не раз отмеченную в литературе, – неоднозначность его значений, размытость семантики даже в контексте (как в русском, так и в украинском языке).

И погулять им, бедным, не удастся, и дома родного некогда будет узнать им, и мне не удастся наглядеться на них! // *І погуляти* їм, бідним, не вдасться, ні в хаті посидіти, і я не встигну на них надивитися! (общерезультативное/ограничительное значение); *Ещё неделю постояят* такие морозы – и у меня ни одной дровишки не останется! // *Ще тиждень постоять* такі морози – і я залишуся без дров! (общерезультативное / ограничительное значения); ...она ежеминутно *поправляла* зеркальце заднего вида, или беспрерывно переключала режимы работы кондиционера... // ...вона щохвилини поправляла дзеркальце заднього виду, коли раз-по-раз перемикала режими кондиціонера... (общерезультативное/смягчительное/прерывисто-смягчительное значение); ...плотная двойная открытка с золотым тиснением «Приглашение» вынута позавчера из почтового ящика и неуверенно отложена в сторону – будет еще время *подумать*... // ...цупка листівка-розгортка з золотим тисненням «Запрошення», вийнята позавчора з поштової скриньки і непевно відкладена набік – буде ще час *подумати* (общерезультативное/смягчительное/ограничительное значение) [15].

Охарактеризуем следующий этап исследования. Основной задачей второго этапа было определить наличие возможной корреляции между «смягчительными» украинскими глаголами с приставкой **по-** и сферой функционирования текстов, в которых употребляются эти единицы. Для реализации указанной задачи нами использовались данные параллельного русско-украинского корпуса с языком оригинала украинским. При поиске был задан подкорпус текстов на указанном языке. Для анализа были выбраны тексты художественной и официально-деловой сфер, предположительно противопоставленные по специфике функционирования в них «смягчительных» гла-

голов, рассматриваемых в научной литературе как использующихся преимущественно в разговорной речи, художественных текстах [20; 24]. Отметим, что параллельный корпус объективно ограничен существующими переводами и содержит художественную прозу, публицистические, научные, реже официально-деловые тексты, в то время как тексты бытовой сферы в нём представлены преимущественно письмами XIX в.

Первоначальный поиск выявил значительный массив данных – 591 документ, 101 785 вхождений украинских глаголов с префиксом **по-** в текстах художественной сферы. Для дальнейшего анализа была взята выборка в 2 342 примера с приставкой **по-**. После очистки материала (снятия омонимии, полисемии и т. д.) была сформирована финальная выборка из 1 440 вхождений глаголов с приставкой **по-** в различных значениях.

Ручной анализ выявил 192 вхождения, где глагол выражал семантику неполноты и/или ограниченности действия: *посиділи мовчки / посидели молча, полежав на дивані / полежал на диване, поплакала в подушку / поплакала в подушку, попрацював у саду / поработал в саду* и т. п.

Удельный вес глаголов с семантикой неполноты действия в финальной выборке подкорпуса художественной сферы (с оригиналом на украинском языке) составил 13,3 % ($192 / 1440 \times 100$ %). Соответственно, на глаголы с префиксом **по-** в остальных значениях (общерезультативное, дистрибутивное, начинательное) приходится 86,7 %. Как представляется, данный показатель закономерен и обусловлен как сущностными особенностями художественной сферы функционирования (эмоциональность, экспрессивность, стремление к передаче внутреннего состояния автора, тонких смысловых нюансов и т. д.), так и особенностями самих «смягчительных» глаголов, выполняющих помимо описательной оценочную и игровую функции, являющихся маркерами саморефлексии или рефлексии в отношении обозначаемой ситуации [26]. Глаголы со значением неполноты действия могут служить задачам передачи внутреннего мира автора и его героев, создания эмоционального фона, передачи длительности действия без акцента на его завершённости, его «смягчённости», что соответствует проявлению текстов художественной сферы.

Далее нами был обработан поисковый запрос в подкорпусе текстов на украинском языке официально-деловой сферы употребления.

Первоначальный поиск выявил 4 документа, 461 вхождение украинских глаголов с префиксом **по-**. Как и в подкорпусе художественной сферы, была проведена очистка данных и сформирован финальный массив из 32 вхождений, из них 6 глаголов идентифицировано как содержащие приставку **по-**. Контекстуальный анализ позволил утвер-

ждать, что из 6 единиц ни одного глагола с семантикой неполноты действия не зафиксировано (во всех глаголах **по-** выступает в общерезультативном значении). Таким образом, количество «смягчительных» глаголов в исследованной выборке подкорпуса официально-деловой сферы функционирования (с оригиналом на украинском языке) равно нулю, что можно считать закономерным, учитывая специфику официально-деловой сферы, где использование «смягчительных» глаголов было бы стилистически ошибочным.

Как представляется, обнаруженный контраст полученных показателей (даже с учётом несбалансированности подкорпусов двух сопоставляемых сфер) служит эмпирическим подтверждением тезиса о корреляции между семантическими особенностями «смягчительных» глаголов и стилистической принадлежностью контекста, однако требует дальнейшего детального изучения материалов Корпуса текстов української мови (а для русских единиц – материалов основного корпуса НКРЯ).

Подводя итог, отметим следующее.

1. Количественные данные, полученные на основе материала русско-украинского параллельного корпуса, подтвердили данные словарей и академических грамматик о частотности глаголов с префиксом **по-** в сопоставляемых языках, продуктивности префиксальных моделей с **по-** в смягчительном, ограничительном, реже – прерывисто-смягчительном значении.

2. Сопоставление русских и украинских контекстов с глаголами в значении неполноты действия продемонстрировало последовательную передачу русских единиц с префиксом **по-** на украинский язык полными или частичными эквивалентами с сохранением деинтенсивных смыслов, демонстрирующую актуальность данного типа семантики для сопоставляемых языков, естественность её переноса на другой язык. Сближает сопоставляемые языки и одинаковая вариативность префикса **по-** как в словном, так и во внесловном контекстах (*поиграть на всех инструментах – поиграть пару минут и закончить – поиграть совсем немного* и т. д.). Последняя в данном случае не мешает восприятию переданной информации и при необходимости снимается дополнительным введением в контекст слов-конкретизаторов.

3. Случаи отступления от передачи семантики неполноты отмечаются не часто, это происходит и при наличии в украинском языке единиц, аналогичных русским глаголам с префиксом **по-**, однако данные единицы переводчиком не используются, а «смягчительная» семантика не передаётся. Особенно часто это отмечается в отношении русских глаголов в прерывисто-смягчительном значении. Вероятно,

корпусные данные, дающие информацию о реальном функционировании единиц в речи, указывают на различие в реализации данной модели в русском и украинском языках.

4. Обращение к корпусу позволяет частично подтвердить ещё одну отмеченную в научной литературе особенность диминутивных единиц. Как и имена существительные, глаголы с семантикой неполноты подвержены влиянию контекста, который и формирует подобные единицы, и поддерживает их, дублируя их значение, конкретизируя его. Появление глагола с исследуемой семантикой в предложении тем более ожидаемо, чем более «диминутивен» этот контекст. Предполагаем, что дискурсивные и жанровые факторы играют в этом не последнюю роль и требуют дальнейшего изучения.

5. Анализ корпусной выборки глаголов с приставкой **по-** в исследуемом значении подкорпуса художественной и официально-деловой сфер функционирования (с оригинальным текстом на украинском языке) показал, что функционирование данных глаголов детерминировано функционально-стилевыми параметрами: востребовано в художественной сфере и исключено из официально-деловой.

Полученные результаты создают основу для дальнейшего исследования семантики неполноты действия в славянских языках как одного из значимых для носителей славянских языков типов аспектального значения, определения универсальных закономерностей функционирования (в том числе стилового распределения) данных глаголов и специфических черт их использования в русском и украинском языках.

Литература

1. Алешина О.С., Мишина В.С., Филь Ю.В. Семантика неполноты действия в русском, украинском и английском языках // Русин. 2024. № 75. С. 212–232. doi: 10.17223/18572685/75/11
2. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 3–4.
3. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 13–24.
4. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 124–143.
5. Воейкова М.Д. Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 353–373.

6. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 196 с.

7. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.

8. Жовтобрюх М.А. Словотвір сучасної української літературної мови. Київ: Наукова думка, 1979. 405 с.

9. Загнітко А.П. Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис. Донецьк: БАО, 2011. 992 с.

10. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

11. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с. (Studia philologica).

12. Іванович М. Кількісно-інтенсивні роди дії в українській мові // Алманах «Българска украинистика». 2021. С. 107–114.

13. Королева Ю.В. Полипрефиксальные глаголы в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 262 с.

14. Мустайоки А., Пуссинен О. Об экспансии глагольной приставки ПО- в современном русском языке // Инструментарий русистики: корпусные подходы / общ. ред. А. Мустайоки [и др.]. Хельсинки, 2008. С. 247–275.

15. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.06.2025).

16. Петрухина Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Материалы X Конгресса МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре». Пленарные заседания. СПб., 2003. С. 426–433.

17. Резанова З.И. Именная деминутивная деривация в механизмах выражения оценки // Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.

18. Резанова З.И. Субъективные образы времени в современных славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 161–173. doi: 10.17223/18137083/60/14

19. Резанова З.И., Шиляев К.С. Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5. С. 634–639.

20. Ройзензон Л.И. Славянская глагольная полипрефиксация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1970. 104 с.

21. Русановский В.М. Украинская грамматика. Киев: Наукова думка, 1986. 362 с.

22. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 3. 752 с.

23. Словник української мови. URL: <https://slovyk.ua> (дата обращения: 17.05.2025).
24. Соколов О.М. Морфологически варианты глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области : дис.... канд. филол. наук. Томск, 1959. 297 с.
25. Филь Ю.В., Резанова З.И. Dáme si pivko nebo čajíček? Жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках // Русин. 2018. № 2 (52). С. 193–206. doi: 10.17223/18572685/52/14
26. Филь Ю.В., Конончук И.Я. Семантика смягчительности в старославянском и русском языках (на материале глагольной лексики) // Русин. 2022. № 68. С. 280–298. doi: 10.17223/18572685/68/15
27. Чижик-Полейко А.Н., Титовская В.В. О глаголах с вторичной приставкой // Труды Института / Воронеж. гос. ун-т. 1957. Т. 47. С. 129–147.
28. Шишигин К.А., Лебедева Н.В. Формальные и семантические сходства славянских и германских языков: белорусские, русские и украинские префиксальные глаголы и существительные для немецкоязычных // Русин. 2023. Т. 72. С. 215–232. doi: 10.17223/18572685/72/10
29. Языки мира: Славянские языки / редкол.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. 656 с.

References

1. Aleshina, O.S., Mishina, V.S. & Fil, Yu.V. (2024) The semantics of incomplete action in Russian, Ukrainian, and English. *Rusin*. 75. pp. 212–232 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/75/11
2. Arutyunova, N.D. (1995) Ot redaktora [Editorial]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskij analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical Analysis of Language. Models of Action]. Moscow: Nauka. pp. 3–6.
3. Arutyunova, N.D. (1985) Ob ob'ekte obshchey otsenki [About the object of the general assessment]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 13–24 (in Russian).
4. Volf, E.M. (1988) Sub'ektivnaya modal'nost' i semantika propozitsii [Subjective Modality and Semantics of Proposition]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and Problems of Intensionality]. Moscow: USSR AS. pp. 124–143.
5. Voeykova, M.D. (2009) Problemy ispol'zovaniya podkorpusa ustnoy razgovornoj rechi (na primere analiza russkikh diminutivov) [Problems of Using the Subcorpus of Oral Spoken Speech (on the Example of the Analysis of Russian Diminutives)]. In: Plungyan, V.A. (ed.) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [National Corpus of the Russian Language: 2006–2008. New Results and Prospects]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 353–373.

6. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian Verb Prefixes: Semantic Structure, System Relations]. Voronezh: VSU.

7. Shvedova, N.Yu. (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

8. Zhovtobryukh, M.A. (1979) *Slovotvir suchasnoï ukrains'koï literaturnoï movi.* Kyiv: Naukova dumka.

9. Zagnitko, A.P. (2011) *Teoretichna gramatika suchasnoi ukrainskoi movy. Morfolohiya. Syntaksys.* Donetsk: TOV VKF "BAO."

10. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2005) *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Picture of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

11. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

12. Ivanovich, M. (2021) Kil'kisno-intensivni rodi dii v ukrains'kij movi. In: *Almanah "B'lgarska ukrainistika"*. pp. 107–114.

13. Koroleva, Yu.V. (2003) *Poliprefixal'nye glagoly v russkom yazyke* [Multi-prefixal verbs in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

14. Mustayoki, A. & Pussinen, O. (2008) *Ob ekspansii glagol'noy pristavki PO- v sovremennom russkom yazyke* [On the Expansion of the Verbal Prefix PO- in the Modern Russian Language]. In: Mustayoki, A. (ed.) *Instrumentariy rusistiki: korpusnye podkhody* [Instrumentarium of Russian Studies: Corpus Approaches]. Helsinki: [s.n.]. pp. 247–275.

15. The Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/> (Accessed: 5th June 2025).

16. Petrukhina, E.V. (2003) *Dominantnye cherty russkoy yazykovoy kartiny mira (v sravnenii s cheshskoy)* [Dominant features of the Russian language picture of the world (in comparison with the Czech one)]. *Russkoe slovo v mirovoy kul'ture* [The Russian Word in World Culture]. Proc. of the Tenth Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 426–433.

17. Rezanova, Z.I. (2005) *Imennaya deminutivnaya derivatsiya v mekhanizмах vyrazheniya otsenki* [Nominal Diminutive Derivation in Evaluation Expression Mechanisms]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: Aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 194–231.

18. Rezanova, Z.I. (2017) Subjective images of time in modern Slavic languages: diminutive models. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 3. pp. 161–173 (in Russian). doi: 10.17223/18137083/60/14

19. Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ruscorpora in teaching the usage of Russian diminutives. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 5. pp. 634–639 (in Russian).

20. Royzenzon, L.I. (1970) *Slavyanskaya glagol'naya poliprefixatsiya* [Slavic

verbal polyprefixation]. Abstract of Philology Dr. Diss. Minsk.

21. Rusanovskiy, V.M. (1986) *Ukrainskaya grammatika* [Ukrainian Grammar]. Kyiv: Naukova dumka.

22. Evgenieva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language. In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

23. *Slovník ukrajinš'koj movy* [Ukrainian Language Dictionary]. [Online] Available from: <https://slovnynk.ua/> (Accessed: 17th May 2025).

24. Sokolov, O.M. (1959) *Morfologicheski variantnye glagoly v sisteme glagol'noy leksiki starozhil'cheskikh govorov Tomskoy oblasti* [Morphologically variant verbs in the system of verbal vocabulary of old-timers of the Tomsk region]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

25. Fil, Yu.V. & Rezanova, Z.I. (2018) Dáme si pivko nebo čajíček? Genre and contextual conditions of diminutives using in Russian and Czech languages. *Rusin*. 2(52). pp. 193–206 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/52/14

26. Fil, Yu.V. & Kononchuk, I.Ya. (2022) The semantics of attenuation in the Old Slavonic and Russian Languages (based on verbal vocabulary). *Rusin*. 68. pp. 280–298 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/68/15

27. Chizhik-Poleyko, A.N. & Titovskaya, V.V. (1957) O glagolakh s vtorichnoy pristavkoy [About verbs with a secondary prefix]. *Tr. In-ta / Voronezh. gos. un-t.* 47. pp. 129–147.

28. Shishigin, K.A. & Lebedeva, N.V. (2023) Formal and Semantic Similarities of the Slavic and Germanic Languages: Belarusian, Russian and Ukrainian Prefix Verbs and Nouns for German Speakers. *Rusin*. 72. pp. 215–232 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/72/10

29. Moldovan, A.M., Skorvid, S.S., Kibrik, A.A. et al. (eds) (2005) *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the World: Slavic Languages]. Moscow: Academia.

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

Алешина Олеся Сергеевна – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Olesya S. Aleshina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lesenokbrantova@mail.ru